

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-422-444

«ЯЗЫК ПИСЬМА» ИЛИ «ПИСЬМО — ЯЗЫК В ГРАФИКЕ» (ОДИНАКОВОЕ В РАЗНОМ И РАЗНОЕ В ОДИНАКОВОМ)¹

М. Джусупов

Узбекский государственный университет мировых языков
Республика Узбекистан, 100138, Ташкент, ул. Кичик Халка Йули Г-9А, д. 21-а

В статье-рецензии анализируются и описываются некоторые аспекты содержания книги О.О. Сулейменова «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”», которая характеризуется инновационным подходом к проблеме исследования происхождения слова, понятия, знака, произношения с древних времен. В основе научной концепции О.О. Сулейменова лежит понятие письменного и устного слова с его разными графическими изображениями и разными произношениями независимо от географических, национально-культурно-языковых дифференциаций. Древний первоисточник слова (этимон) рассматривается как синтез этих четырех аспектов происхождения слова, который формирует единый психообраз в сознании человека. Автор книги ставит цель — выявить мир кода слова, описать, чтобы определить этимон слова. В работе используется метод двойного отрицания (отрицание отрицания), что способствует уходу от известных постулатов языковедения, порождению новых методов исследования и формированию результатов, выраженных в новонаправленных умозаключениях, например, в определении знака как произвольного явления, в отличие от утверждения Фердинанда де Соссюра о произвольности знака, которое является нормативным понятием в современной науке о языке. Мы используем метод тройного отрицания (отрицать отрицание отрицания) и приходим к выводу о том, что знак и произвол, и произволен: знак *солнце* у разных народов выражен по-разному, поэтому в этом плане он произволен. Но во всех знаках солнца (древнеегипетское, древнекитайское, древнетюркское) присутствует первоэлемент знака (инвариант) — круг, полукруг, квадрат, т.е. замкнутость, поэтому в этом плане знак произволен. О.О. Сулейменов поиск этимона слова осуществляет глубже и шире традиционного филологического подхода. Это совокупность общепилологического, языковедческого, исторического, философского, гносеологического подходов и соответствующее научное обобщение на основе использования метода отрицания отрицания и пяти правил, разработанных и внедренных О.О. Сулейменовым в систему научного исследования.

Ключевые слова: понятие, слово, код, графическое изображение, произвольность и произвольность знака, произношение, древний первоисточник (этимон), язык

1. ВВЕДЕНИЕ

В 2014 году в Алматы в двух разных издательствах была опубликована книга О.О. Сулейменова «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”», которая уже несколько раз обсуждалась научной обществен-

¹ Основанием для написания данной статьи-рецензии послужила книга известного поэта, ученого, общественного деятеля О.О. Сулейменова «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”». Алматы: Библиотека Олжаса, 2014.

ностью в ходе работ международных научных конференций в Российском университете дружбы народов (РУДН, 2015), в Чехии (Карловы Вары, 2017) и в настоящее время на страницах «Вестника РУДН “Вопросы образования: языки и специальность”». Книга вызвала большой интерес среди специалистов в области как диахронии, так и синхронии языка, занимающихся проблемами истории слова, языка, письма. В основу книги заложена идея создания универсального этимологического словаря независимо от национальных, территориальных различий, т.е. вскрыть код слова и выявить древний первоисточник (этимон), рассматривая в совокупности: понятие, графическое (образное) изображение, слово, значение, произношение как единый психообраз в сознании древнего и современного человека, с учетом особенностей поэтапного формирования этого единого психообраза — от понятия к изображению, к слову, к значению, к произношению, к современному написанию.

В 2013 году из ЮНЕСКО (через докт. фил. наук, проф. У.М. Бахтикирееву) мне прислали рукопись этой книги для рецензирования [1]. Рукопись книги называлась: «Несколько слов из 1001. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”». В 2014 году книга вышла в свет под тем названием, которое мы привели в начале статьи.

В изданном варианте наблюдаются незначительные изменения как в структуре, так и в формулировках глав и параграфов, а также в некоторых содержательных нюансах материала исследования. Суть, научная содержательность исследования не изменилась. Изменения (корректировки) касаются некоторых формулировок, уточнений, пояснений в работе, что демонстрирует процесс научно-исследовательского совершенствования.

В настоящей статье-рецензии мы будем опираться в большей степени и на текст рукописи книги, который, конечно же, идентичен тексту опубликованной книги, но при этом будут иметь место разные номера страниц при ссылках на материал исследования.

Чтение работы О.О. Сулейменова, ее осмысление требует специальной подготовки: она нестандартная, нетрадиционная в исследовательском и описательном планах. Это сочетание нестандартного, нетрадиционного, научно-индивидуально-авторского с традиционной лингвистикой с доминированием сулейменовского лингво-поэтико-историко-философского видения проблемы кода слова и общего древнего первоисточника (этимона) слова, понятия, изображения (письма), произношения.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

Причинность, необходимость, сомнение

Статью-рецензию, написанную после чтения рукописи книги «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”» О.О. Сулейменова, мы решили начать словами великого древнегреческого мыслителя Демокрита: «Ни одна вещь не возникает беспричинно, но все возникает на каком-нибудь основании, в силу необходимости».

Человеческое письмо (во всех его разновидностях), как и все другие вещи, явления, изобретенные человеком, возникло в силу необходимости не только устно-знакового (звукового) общения, но и — письменно-знакового. Второй вид общения — письменный, который позволил человеку, племени, народу передавать свои мысли другим вне своего присутствия в процессе акта общения. Письмо стало одним из главных факторов объединения разных племен, этносов, народов в одно большое человечество, что длилось много тысячелетий, поэтому возраст человека, человечества и возраст письма примерно одинаковый с опережением возраста малого человечества.

Да, все возникает в силу необходимости, и у необходимости есть причины ее появления, т.е. основания. О.О. Сулейменов в данной работе (как и в своих предыдущих работах) занимается исследованием возникновения этой необходимости и причин ее появления в области письма, языка (или языка и письма).

Формулировку названия настоящей рецензии мы представили в следующем виде: Язык письма или Письмо — язык в графике (одинаковое в разном и разное в одинаковом).

Объясняется это тем, что первая часть — «Язык письма» — это название большой работы О.О. Сулейменова. В книге «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”» также исследуется язык письма и письмо языка, т.е. мы думаем, что тем самым мы даем возможность читателю сразу увидеть преемственность его лингвографических изысканий.

Вторая часть формулировки названия «Письмо — язык в графике» является первой частью названия нашей статьи об истории и современном состоянии казахского письма, о «страданиях» между кириллицей и латиницей [2]. На наш взгляд, они (две части формулировки названия) дополняют друг друга.

Третья часть формулировки названия (одинаковое в разном и разное в одинаковом), как мы предполагаем, будет способствовать раскрытию основной сути работы, заложенной в первой и во второй частях названия статьи-рецензии, потому что в разных языках и разных типах письма есть одинаковое, а в этой одинаковости есть большое разное, что является главным лейтмотивом не только этой, но и других лингвографических работ О.О. Сулейменова.

Именно эту проблему — проблему одинакового в разном и разного в одинаковом в истории письма и языка — причины и истоки их появления О.О. Сулейменов выставляет как одну из самых главных научных проблем в исследовании жизни человечества.

Этой глубинной научной проблеме уделяли, уделяют и будут уделять большое внимание, так как человек и письмо (или письмо и человек) тесно взаимосвязаны: находки в одной области данной проблемы способствуют раскрытию доселе неизвестного в другой области этой же проблемы.

Проблемы письма и языка, языка и социума, письма и социума исследуются в разных аспектах: в историческом аспекте [3—7]; в аспекте сочетаний истории письма и современности [8; 9]; в аспекте создания алфавитов [10]; в аспекте психолингвистических и социолингвистических проблем при смене типа письменности [2; 11]; в аспекте тесной внутренней и внешней взаимосвязи и взаимообус-

ловленности письменных знаков, фонологического строя языка, единых звуко-буквенных психообразов в сознании носителей конкретного языка [12].

Исследования О.О. Сулейменова, посвященные письму, языку, носят поли-аспектный, надгеографический, наднациональный характер в пространстве времен и территорий.

Именно поэтому данное исследование О.О. Сулейменова имеет такое же большое научно-лингвистическое, научно-историческое, научно-культурное значение, как и другие его работы, посвященные проблемам лингвографии. Научные изыскания, осуществленные в таком глобальном общечеловеческом масштабе, в настоящее время встречаются редко.

Автор работы погрузился в глубокую историю письма, а следовательно, и в глубокую историю человечества. История письма и история человечества тесно взаимосвязаны: человек через письмо выражает свои мысли, отражает историю эпохи, историю народа, государства и т.д. Письмо все это (и многое другое) хранит и передает из поколения в поколение.

Итак:

1) письмо — это язык в графике, языковая и речевая память человечества, функционирующая в пространстве времени и территории;

2) письмо — «времен связующая нить», какого типа бы оно ни было;

3) в истории человечества «плохого» письма не было. Все типы и виды письма были, есть и будут великими, так как это главная знаковая (лингвографическая) память человека и общества, второй по значимости для человека вид речевой деятельности (после говорения). Именно поэтому мы полностью не разделяем доводы некоторых «профессионалов» о том, что такой-то тип современного письма отстал от жизни, окончательно изжил себя, а следовательно, этому народу, государству надо менять тип графики, переходить на новый, якобы «прогрессивный» и «лучший» тип письма. Все типы письма, обслуживающие современные живые языки, являются современными;

4) изобретение письма глобально расширило виды коммуникации человека (письмо, чтение, письменный перевод), т.е. общение кроме конкретно-ситуативно-контактного стало и дистанционным (дистанционно-письменным). Последнее имело революционное значение в истории развития человечества. До изобретения письма человек мог осуществлять полностью лишь четыре вида речевой деятельности: говорение, слушание, внутреннюю речь (внутреннее говорение) и четвертый вид речевой деятельности — перевод, но только в ее устной разновидности.

Читая и анализируя «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”» О.О. Сулейменова, читатель больше и больше убеждается в том, что все типы письма в истории человечества имеют одну единую основу — основу, которая вбирает в себя главные (доминантные) начертательные знаки, одинаково характерные для разных народов, наций, племен и т.д., проживавшим и проживающим на разных географических и временных пространствах. Это такие знаки (в разной интерпретации):

- ┆ палочка или черта;
- ⤿ полукруг или дуга;

- круг или кольцо;
- ∧ изгиб, или угол, непрямоугольный;
- └ (┐) прямоугольник;
- ← наконечник стрелы или копья;
- ↑ стрела или копье;
- точка или клякса;
- маленькая горизонтальная черточка на основном знаке;
- ┆ маленькая вертикальная черточка на основном знаке;
- , знак в виде запятой на основном знаке и некоторые другие.

Такая общность в типах письма, функционировавших в прошлом и функционирующих в настоящем, свидетельствует о том, что независимо от национальных, племенно-родовых, географических, временных и других различий человек и его мышление развивались в одном русле восприятия и отражения окружающей действительности, что в итоге в виде знаков и их психообразов сформировалось в его сознании и выразилось в соответствующей лингвографической деятельности.

Итак, «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”» О.О. Сулейменова является не просто интересным, а остроинтересным произведением, характеризующимся присутствием инновационного подхода к исследованию, описанию и резюмированию результатов поиска во все времена актуальной научной проблемы.

Безусловно, книга не будет принята однозначно научной общественностью, что, впрочем, характерно для всех результатов лингвистических изысканий О.О. Сулейменова, так как они и по научной концепции, и по принципам, и по методам и приемам ведения научного исследования нестандартны, традиционно-нетрадиционны, по-олжасовски искрометны, научно-поэтико-иронично-саркастичны (в положительном смысле всей и особенно последней части данного выражения).

В работе прочный сплав лингвистики (исторической лингвистики, семантики, фонетики и фонологии), семиотики, истории, генетики, культурологи и т.п., что в таком глубоком, фундаментальном, индивидуально-авторском видении научной проблемы и ее описании встречается исключительно редко. Однако, следует отметить, что работы такого рода, но не в таком большом объеме, а сосредоточенные на одном предмете исследования большого научного объекта исследования, конечно же, имеются.

Рене Декарт сказал, что «для разыскания истины необходимо раз в жизни, насколько это возможно, поставить все под сомнение». О.О. Сулейменов именно так и подходит к решению исследуемой проблемы. Именно поэтому многие его умозаключения, сделанные на основе анализа исследуемого материала с позиции «неужели существующее решение проблемы правильное или единственно правильное», являются «неожиданными», «ершистыми», «колючими», плывущими против течения, а следовательно, открывающими новые страницы в истории письма, опровергающими или интерпретирующими уже известные истины, подмечающими ювелирно тонкие нюансы как в истории лингвографии в частности, так и в истории человечества в целом.

Созвучие слов и позиционные чередования звуков

Конечно же, определенная часть книги «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”» не лишена неполновыраженности, недооцененности до научной истины доказательной аргументацией.

Созвучие слов в разных языках не всегда является единственным научно верным признаком, доказывающим их родство или же взаимопроницаемость языковых единиц в результате обязательного контактирования этих языков. Сравним, например, русское слово *тон* (тон голоса, тон речи и т.д.) и казахское слово *тон* (шуба). Созвучие есть? Есть полное созвучие, идеальное созвучие. Однако можно ли, основываясь на этом идеальном созвучии, в истории формирования вышеприведенных слов как в аспекте фонетики и фонологии, так и в аспекте их значений и семантики найти что-то общее, единоначальное в эпохах до нашей эры и в эпохах нашей эры? Но это ведь не сулейменовские вопросы, не сулейменовское видение, не сулейменовские умозаключения. Что в этом увидит и изыщет О.О. Сулейменов? Вполне возможно, что совсем не то, что другие. У других собственно научный подход к решению научной проблемы. У О.О. Сулейменова — лингво-поэтико-философский подход с отрицанием уже традиционно известного и отрицанием отрицания. А это значит, что расширяется диапазон видения и количество предметов исследования в одном объекте исследования, что позволяет О.О. Сулейменову вывернуть мысли наизнанку и увидеть то, что он ищет, что пока еще неизвестно другим.

Итак, научная истина одна, но способы ее постижения могут быть разными, поэтому исследователь неистину может определить как истину, и наоборот.

Так, О.О. Сулейменов находит общее в словах *kent* → *kelt* → *kert*, означающих племя, общину небольшого города, небольшой город (первые два слова) и город (последнее слово — в армянском языке). Мы считаем, что эту параллель можно продолжить в виде фоновариантов *kand/kant*, например Коканд, Самарканд; *kent/kend*: Ташкент, Шымкент, Бабкент, Жаркент. В некоторых из этих примеров значение ‘небольшой город’ интерпретировалось и в значении ‘большой город’ (например, Ташкент, Шымкент). То же самое со значением слова *kand*, т.е. оно тоже уже имеет значение ‘большой город’ (например, Самарканд).

Однако в истории функционирования слова наблюдается и обоюдонаправленные процессы (например, Коканд). Когда Коканд был столицей Кокандского ханства, он имел значение большого города. Когда же он перестал быть столицей ханства (колонизация, революция 1917 г.), а стал небольшим городом в составе Ферганской области, то он потерял значение крупного города, крупного центра. В настоящее время Коканд в сознании людей (даже жителей самого г. Коканда) сформирован в виде психообраза небольшого города. Итак, в данном случае (в составе слова Коканд), *-kand* не обладает значением ‘большой, крупный’, а в составе слова Самарканд — обладает таким значением, потому что это крупный исторический и современный культурный центр, город, как во времена Тамерлана, так и в настоящее время.

Можно ли в этот ряд добавить такое казахское слово, как *қант* (*qant* — сахар) и его узбекский эквивалент *қанд*? Ведь налицо именно прямое созвучие с некоторым изменением в форме слова: вместо заднеязычного [к] появляется губо-

козяднеязычный (тюркский, персидский) [q] в кириллице [к]. Но есть ли в них генетическая (этимологическая) родственность, единоначало? Этот вопрос предназначается О.О. Сулейменову (впрочем, не только ему). При этом обратим внимание на такой фонетико-фонологический нюанс: в современном узбекском литературном языке, в отличие от других современных тюркских литературных языков, под влиянием фарси финальный согласный [d] слова не оглушается. Поэтому, например, в казахском языке *qant* — сахар, в узбекском языке *qand*; в каз. яз. *mart* — щедрый, а в узбекском языке — *mard*.

Итак, *kand/kant*, *kent/kelt/kert* — фоноварианты одного слова, в которых, как пишет О.О. Сулейменов, «...форма слова изменялась, но значение почти сохранилось». Мы в данном случае это сулейменовское выражение употребили бы без слова «почти», в следующей интерпретации: «звуковая оболочка слова незначительно изменилась, но значение сохранилось», так как эти фоноварианты слова такие свои значения, как ‘место’, ‘город’ не утратили. В случае же с приведенными выше одинаково звучащими словами неродственных языков (вторая пара: *тон* (рус.) — *тон* (каз.)) наблюдается обратное: звуковая оболочка (форма, орфоэпия) слов одинаковая (не имеет отличий, т.е. не изменилась), а значения — разные. Как быть в этом случае? Обеспечивает ли это созвучие родственность происхождения этих слов? Думаем, что нет. В данном случае мы позволили себе на одно и то же фонетико-фонологическое явление в разных языках посмотреть с «другой стороны», как это делает О.О. Сулейменов, при этом не выворачивая мысли наизнанку, потому что «внутри» слов (рус. *тон* — каз. *тон*) мы не увидели «другое»: мы и «внутри» этих слов видим то, что мы видим, слышим, понимаем с их наружной стороны.

Таким образом, исследование созвучий слов дает два результата:

1) родственность, общность происхождения (этимологии) и т.п., то, что почти всегда изыскивает О.О. Сулейменов;

2) неродственность, необщность, т.е. семантическую, смысловую разность.

Восприятие и воспроизведение человеком звучания слова и в целом речевого потока — основа всех видов общения (коммуникации). В этом процессе огромную роль играет созвучие. На основе созвучия двух слогов, слов и т.п. лингвистические исследования осуществлялись и в древние времена и осуществляются в настоящее время. Созвучие является одной из базовых основ анализа не только собственно языковедческого характера, но и графического, лингвографического, и т.д. О.О. Сулейменов в своих научных исследованиях соединяет их в одно целое, что дает высокосинтезные результаты, «провоцирующие» вздохи восхищения с одной стороны и вздохи огорчения, недоумения — с другой стороны. Да будет единство в понимании результатов его исследований! А недоумение, огорчение — со стороны оппонентов и даже откровенное неприятие во все времена сопровождали неординарные научные исследования и их авторов.

Чередования фонем (звуков — смысловых различителей и форморазличителей в составе морфемы и слова в целом) являются одной из главных особенностей каждого языка, языковых семей. На основе результатов их анализа выявляются как исторические изменения в звуковой форме слова и его значений, так и — современные (живые). В исследованиях О.О. Сулейменова в области анализа слова,

его этимологии и на основе этого выявления сходств и различий в разных языковых семьях большое место занимают изыскания данного аспекта языка. При этом все чередования звуков в составе слов разных наречий, диалектов, говоров О.О. Сулейменов в обязательном порядке связывает с их отражением на письме. Именно поэтому одна из его крупных новонаправленных работ называется «Язык письма». Итак, в работе чередования звуков и звукосочетаний в составе слова исследуются прежде всего с позиции их отражения на письме и в вариациях, и вариантах одного и того же знака письма (графемы) и комплекса (т.е. сочетаний) письменных знаков (графем).

Все чередования звуков и сочетаний звуков в составе морфемы и слова являются позиционными: даже те чередования, которые в современном языкознании называются историческими (т.е. традиционными), которые ни современными законами сочетаемости звуков, ни современными правилами редукции, ассимиляции, диссимиляции, сингармонизации в языке, их отражения или неотражения на письме, ни основными законами графики того или иного языка, ни основными принципами орфографии объяснить (доказать) невозможно. Именно поэтому, например, в современном русском языкознании, в тюркском языкознании они называются непозиционными (традиционными или историческими), в отличие от живых (современных, позиционных) чередований, которые объяснимы, доказуемы правилами и законами чередований, сочетаемости языковых единиц, функционирующих в современном состоянии языка.

Приведем примеры:

рус. яз.: год [гот], года [д]. Чередование д/т происходит в результате того, что фонема <д> находится в сильной позиции в словоформе *года*, а в словоформе *год* попадает в слабую позицию, и поэтому на месте <д> произносится звук [т]. Итак, изменилась позиция — изменились артикуляционные, акустические и другие характеристики языковой единицы;

рус. яз.: другу [г], дружба [ж]. Данное чередование г/ж современными правилами русского языка объяснить невозможно. Это историческое чередование, которое можно объяснить, исследуя, выявляя закономерности чередований звуков в далеком прошлом.

Такие примеры можно привести и из казахского, и из узбекского, и из других языков. Но мы ограничимся тем, что представили выше.

Суть дела в том, что такие исторические чередования (которыми занимается О.О. Сулейменов), не объяснимые современными, парадигматическими и синтагматическими свойствами языковых единиц, в свое время были не историческими, т.е. синхронными явлениями языка той эпохи, когда они возникли и функционировали. А это значит, что такие чередования в то время были закономерностью, а следовательно, они были тогда объяснимыми, так как для своей эпохи они были позиционными, потому что в динамике языка нет ничего непозиционного вообще, как в нашей окружающей действительности. Каждый предмет в мире находится в определенном позиционном отношении к другим предметам. А это значит, что все в мире позиционно. Это один из основных законов нашей действительности, а следовательно, изменение позиций как один из законов или правил диалектики распространяется полностью и на язык, на речь и на их закономерности.

Итак, в языке и речи все позиционно, т.е. каждая языковая единица в каждом случае речевого акта имеет свою конкретную позицию. Рассмотрим следующие случаи:

рус. яз.: фонема <д>: дом [д], ода [д], год [т], лодка [т];

каз. яз.: нар [н] (верблюдо-производитель), он [н] (десять), ана [н] (мать), нанба [м] ([намба]) (хлеб ли), Есенғали [н] ([есенғали]) (мужское имя).

Здесь в зависимости от позиции в составе слова не изменяется или же изменяется звучание русской фонемы <д> и казахской фонемы <н>.

О.О. Сулейменов в этой (и не только в этой) работе широко и глубоко демонстрирует чередования звуков (т.е. фонем и их позиционных разновидностей) как основного доказательства изменения звукового облика слова, появления нового значения у слова или появления нового слова в разных языках, наречиях, диалектах и их отражения на письме в вариантах и вариациях одного и того же письменного знака (буквы или иероглифа), например: *kenti* → *kent* → *kanti* → *kant*.

В этих примерах наблюдаются чередования: *i/∅* (*i* с нулем звука); *a/e*. О.О. Сулейменов объясняет эти чередования следующим выражением: «знакотворец убирает “уменьшитель”, образуя новый антизнак, и соответственно изменяется название». Такое объяснение («убирает “уменьшитель”») касается только рисунка знака, т.е. собственно графики, но не фонетики и фонологии слова. Звучание слова может не зависеть от его написания (пишем *счастье*, но произносим [ш':äc't'jь]). Поэтому автору следовало бы объяснить, расписать:

- 1) почему произошли эти чередования;
- 2) какой закон сочетаемости (чередования) фонем и их позиционных разновидностей (звуков) в данном случае имеет место;
- 3) почему в позиции между двумя согласными гласные | *i* | и | *a* | чередуются, что это за фонетическое или фонологическое правило в речевом потоке того времени?

Итак, все чередования звуков внутри одного языка, а также при заимствовании слова одного языка/диалекта другим языком/диалектом осуществляются в соответствии с их парадигматическими или синтагматическими свойствами и соответствующими законами и правилами чередования. Поэтому следовало бы не ограничиваться объяснением, доказыванием появления нового интерпретированного знака письма, но и объяснить закономерности чередований звуков, так как ни одно чередование звуков в языке и в речи не появляется за пределами существующих в тот период развития языка законов и правил сочетаемости, чередований языковых единиц и их компонентов, тем более что автор работы в приведенном нами выше высказывании говорит: «...соответственно изменяется название», т.е. изменяется звучание, фонетико-фонологический облик слова. Однако следует отметить, что О.О. Сулейменов, пожалуй, единственный историк языка и письма, пытающийся решить проблему исторических звуковых чередований, функционировавших в языках, наречиях, диалектах, говорах до нашей эры и в ранние эпохи нашей эры в единстве четырех аспектов проблемы — понятия, графического изображения, слова, звучания. Однако демонстрация самого факта чередования звуков полностью не доходит до лингвистических истоков, причин таких звуковых чередований, отраженных или не отраженных на письме.

Знак и произволен, и непроизволен

О.О. Сулейменов пишет, что «знаки солнца, возникшие в верхнем палеолите (как рассказывают находки археологов), по-видимому, были первыми сложными графемами первобытного письма...» [1. С. 3]. Далее он пишет, что «формы знаков солнца продолжают укреплять уверенность в версии о самостоятельности культур и письменностей древнего мира: ни в одной из них знакотворцы... кажется, даже не старались сделать письменное солнце узнаваемым» [1. С. 2].

Далее О.О. Сулейменов рассуждает о понятии производности знака, «введенное в научный обиход Фердинандом де Соссюром»: «Своим открытием Соссюр ... облегчил работу этимологам и историкам письма, которым уже не требуется выискивать причинность слова и письменного знака. Этимологу достаточно представить картину распространения лексемы с похожими смыслами в родственных языках и по ним восстановить праформу. А как произошла праформа, думать не надо: это известно — произвольно придумана кем-то в древности» [1. С. 4]. Дальше О.О. Сулейменов говорит в лингво-поэтико-научных выражениях о произвольности знака, в которых заложены свойственные ему эмоции, сарказм, тонкий юмор, полет мысли в целях развития мысли другого человека (в данном случае Ф. де Соссюра) в пространстве и в высотах олжасовского видения проблемы и в возможностях его языкового оформления.

Например, о Фердинанде де Соссюре он пишет: «Из всех видов письма, видимо... был знаком только с буквенным» [1. С. 3].

Итак, был ли знаком Ф. де Соссюр с другими типами письменности, кроме буквенного? На наш взгляд, это большой вопрос. А раз большой вопрос, то могут быть два больших ответа.

- 1) да, был знаком;
- 2) нет, не был знаком.

Второй (отрицательный) ответ уже прозвучал из уст О.О. Сулейменова. Но в этом ответе есть такие слова и выражения, которые не характеризуют абсолютизм отрицания, а характеризуют преимущественность такого отрицания, а это значит, что он может допустить знакомство Ф. де Соссюра и с другими, небуквенными, типами письменности. Это такие слова и выражения:

- 1) «...судя по его трудам, был знаком только с буквенной»;
- 2) «Поэтому знаки солнца ему, скорее всего, не встречались...»

Таким образом, О.О. Сулейменов сквозь свои моноотрицание и биотрицание (отрицание отрицания) все-таки уходит в данном случае от абсолютизма отрицания: да, допустим; да, возможно.

Итак, еще раз задаем один и тот же вопрос: был ли знаком Ф. де Соссюр с небуквенными типами письма? Мы допускаем, что все-таки он был знаком с небуквенными типами письма. Ведь он сказал, что «знак произволен», а это значит, что, по всей видимости, был знаком или предполагал существование и небуквенных типов письма в истории человечества, которые тоже обозначались графическими знаками, и тоже произвольно, потому что «знак произволен». Если учесть, что ко времени творческой деятельности Ф. де Соссюра были уже известны такие древние типы письма, как древнетюркское и, самое главное, незвукобуквенное китайское письмо, которое функционировало в то время и раньше, и функцио-

нирует сейчас, то ясно, что Ф. де Соссюр не мог не знать о существовании небуквенного (иероглифического) китайского письма. Итак, Ваш покорный слуга методом О.О. Сулейменова «отрицание отрицания» все-таки склонен считать, что Ф. де Соссюр в целом был знаком и с другими небуквенными типами письменности. Ведь он сказал: «знак произволен».

Мы позволим себе несколько подробнее остановиться на тезисе О.О. Сулейменова, что открытие Ф. де Соссюра «знак произволен» в «беременном революциями» XX веке стал лозунгом «культурных революций», породивших не просто произвол, а «... традицию произвола в живописи, литературе, графике и скульптуре», что, по мнению О.О. Сулейменова, приучало воспринимать «искусственное за искусство» [1. С. 4].

О.О. Сулейменов верен себе (что человеку дано богом, никто не отнимет). Так, в этом контексте три выражения, «потрясающих» чувства читателя:

- 1) ««беременный революциями» XX век»;
- 2) «традиция произвола»;
- 3) «принимать искусственное за искусство».

«**«Беременный революциями» XX век»**. К проблеме «интересного положения» (т.е. «беременности») XX века мы вернемся позже. Сейчас отметим, что результат любой беременности — это рождение. Знак тоже «может быть в интересном положении» (т.е. «беременным»), так как в любом первом знаке (знаке-первоисточнике) заложена возможность рождения другого или других знаков, потому что знак произволен. Это подтверждается и результатами исследования Олжаса Сулейменова (например, разные знаки солнца).

«**Традиция произвола**». Мы ведь не задумываемся над тем, что у произвола тоже есть традиции, что он тоже передается из поколения в поколение в пространстве, времени и территории, как традиции в семье, в искусстве, литературе, в архитектуре и т.д. Можем ли мы считать, что это выражение О.О. Сулейменова — «традиции произвола» — несет в себе глубокое межвременное значение (или смысл), как выражение Ф. де Соссюра «знак произволен»? Ведь знак был произволен в далеком и близком прошлом, произволен в настоящем и будет произволен в будущем. «Традиции произвола» тоже были в прошлом, есть в настоящем и, конечно же, будут в будущем.

Итак, понятия «знак произволен» и «традиции произвола» — это понятия родственные: в обоих случаях присутствует свобода действий. Эти действия положительного характера или отрицательного характера? Этот вопрос в данном случае не самый главный. Знак произволен, потому что создатели древних знаков (жрецы) и создатели современных знаков (специалисты, дизайнеры, художники и т.д.) произвольны в производстве знака, т.е. занимаются «произволом» в области создания знаков, т.е. они формируют «традиции произвола» в произвольности знака. Именно этот «произвол» в произвольности знака привел человечество к современным типам звукобуквенного письма.

Конечно же, за «произвол» в революциях XX века, за понятие «знак произволен» Ф. де Соссюр ответственности не несет. Но родственность понятий налицо, потому что «произвол» в революциях — это произвольность действия участников революций. У каждой революции свои знаки-символы, потому что «знак произ-

волен» и любой знак в письме или в социальных эволюциях есть символ. Символы революции — это прежде всего лозунги, оформленные графическими средствами. Итак, произвол в революциях непосредственно связан с понятием произвольности знака. Думал ли Фердинанд де Соссюр о социально-революционных аспектах своего открытия («знак произволен»)? Это серьезный вопрос. У этого вопроса есть свой ответ, который нам кто-то когда-то должен дать.

«Принимать искусственное за искусство» — да, каламбурно-саркастическое заключение О.О. Сулейменова тоже имеет прямое отношение к проблеме знака, а следовательно, и к проблеме произвольности знака, а следовательно, и к проблеме «традиции произвола». Процесс принятия искусственного за искусство осуществляется в знаках: искусственное масло — в знаках масла, искусственная литература — в знаках литературы, искусственные социальные победы — в знаках социальных побед. Итак, принять искусственное за искусство нетрудно. Все зависит от степени агитации, рекламы, которые оформляются знаками — графическими, звуковыми и т.п. А это значит, что произвольность и произвол в агитации, в рекламировании искусственного в качестве реально существующего искусства порождает социальную проблему, вывернутую наизнанку — принятие искусственного за искусство. Это становится традицией для определенной части населения в определенный промежуток времени или на все времена. А почему это происходит? Потому что знак произволен. Потому что произвольность знака имеет две стороны — положительную и отрицательную. Отрицательная сторона произвольности знака порождает произвол. А систематичность произвола порождает традиции произвола. Таким образом, принятие искусственного за искусство — результат произвольности знака («знак произволен») и функционирования традиции произвола.

Итак, мы попытались рассмотреть три выражения-умозаключения О.О. Сулейменова, потрясающих чувства читателя, характеризующихся неожиданностью словоупотребления, неожиданностью семантико-стилистических оттенков, неожиданностью ракурса в видении проблемы, и объединить их в одно целое понятие — в понятие «знак произволен»: потому что и вообще «беременность» в прямом и переносном значениях, и «традиция произвола», и «принятие искусственного за искусство» имеют знаковые (знаково-символические) признаки, характеристики.

Да, знак произволен. О.О. Сулейменов находит в этой произвольности общее, т.е. основа, знаковая функция одна — письменная константа, а ее интерпретации разные. Именно поэтому Фердинанд де Соссюр имел в виду произвольность знака, видимо, прежде всего в начертании, а потом и в его содержании. Это доказывает О.О. Сулейменовым, когда он приводит примеры (образцы) изображения солнца нашими древними предками:

- ☉ древнеегипетское пятнистое солнце;
- ☽ древнетюркское полукруглое солнце;
- ☼ шумерское солнце — остроугольник;
- ☐ китайское квадратное солнце [1. С. 2].

Во всех этих изображениях солнца древними мы видим признак круга, кругообразности, замкнутости.

Древнеегипетское солнце — круглое. Тут не нужны комментарии.

Древнетюркское солнце — полукруглое (половина круга), т.е. налицо признак круглости.

Шумерское солнце — остроугольник. В нем можно увидеть признак круглости, полукруга, если концы каждой линии остроугольника соединить дугой.

Древнекитайское солнце — квадрат (в виде квадрата). В нем тоже есть признак круга (округлости). Потому что он со всех сторон закрыт как круг (круг солнца).

Итак, древние видели одно (солнце), но изображали его по-разному, не теряя при этом главный признак — признак круглости (круг; полукруг; остроугольник, конец которого можно соединить полукругом; квадрат, который закрыт со всех сторон, как круг).

Таким образом, мы позволили себе на тех же примерах, которые приводит в своей работе О.О. Сулейменов, отрицать «отрицание отрицания». У Сулейменова отрицание — одночленное (отрицание) и двучленное (отрицание отрицания). У нас отрицание трехчленное (отрицать отрицание отрицания).

Итак, Ф. де Соссюр сказал, что «знак произволен». Да, знак произволен. Но ведь он (любой знак) произведен (или может быть произведен) из предыдущего знака, поэтому в любом произвольном знаке есть (почти всегда) признак, предыдущего (или первого) знака — знака-доминанты, знака-эталона, знака-инварианта. С этой точки зрения знак непроизволен.

О.О. Сулейменов пишет, что слова Ф. де Соссюра прозвучали в самом начале «беременного революциями» XX века. Да, это так. Но мы хотим сказать, что «в интересном положении» («беременным») был и первый знак солнца — круг, или полукруг... который родил последующие, как О.О. Сулейменов говорит, разные знаки солнца (полукруг, остроугольник, квадрат...), т.е. это совокупность знаков солнца, который в инварианте является кругом (кругообразным), а если не кругообразным, то, как правило, замкнутым.

По поводу этой проблемы мы думаем не так, как думает О.О. Сулейменов. Однако мы решили развить дальше концепцию О.О. Сулейменова, поднявшись (или встав) на его лингвопоэтиконаучную платформу. Поэтому подобно тому, как древние жрецы разных родов, племен, территорий видоизмененно изображали одно и то же виденное (солнце), мы решили в этих видоизменениях (в изобразительных интерпретациях) так же увидеть одно и то же (солнце). Разница в том, что древние жрецы шли от одного к «разному», мы же идем от «разного» к одному. Итак, мы поступаем, делаем обратное тому, что делали древние жрецы. Думаем, что это тоже «творение», работа жреца, но уже — «жреца» современности. Это мы делаем не отрицая отрицания и не отрицая двойное отрицание. Таким образом, наше тройное отрицание привело нас к одному неотрицанию — во всех этих изображениях солнца, какими бы они ни были произвольными, есть постоянство: во всех этих изображениях солнца древними присутствует признак круга (кругообразности), т.е. есть возможность воссоздать круг, полукруг, кругообразность — опять же в разных произвольных вариантах. Потому с этой точки зрения знак произволен.

Во всех этих знаках (изображениях) солнца еще одним главным признаком их появления, их объединения является закрытость круга: солнце — это круг. Он закрыт со всех сторон: солнце — это полукруг (дуга). Он закрытый, потому что

второй половины не видно. Солнце — это остроугольник. Он закрытый, потому что не видно, что находится за двумя его линиями. Солнце — это квадрат. Он закрытый со всех сторон. Итак, признак круга, полукруга, кругообразности и признак закрытости являются общими, объединяющими во всех изображениях солнца древними.

О.О. Сулейменов пишет: «Рассуждая над происхождением самых древних иероглифов (шумерских, древнеегипетских, древнекитайских), я увидел связь названия и образного письменного знака с его формой. Изменялась форма знака... видоизменялось его название. Пройдя мыслью в этом направлении, я разглядел системность таких преобразований — интересная взаимозависимость графемы и названия» [13. С. 5], т.е. остановил взаимозависимость понятия (так как знак передает понятие), самого знака, его названия (т.е. слова), его произношения. Единство четырех аспектов определения древнего первоисточника слова (этимона) выпукло выражена в этом его высказывании, что подтверждается анализом и описанием лексического и лингвографического материала языков, например, в новеллах «Альфа» [1. С. 17–19; 13. С. 52–55].

Однако возникают вопросы о необходимости разъяснения звуковых чередований, появления видоизмененного произношения одного и того же в разных языках, наречиях, диалектах, говорах и рождения в них нового, видоизмененного знака для передачи этого понятия или уже интерпретированного понятия, но в котором ясно или смутно просматривается начало (первоисточник) понятия, знака, слова, звукового выражения.

Универсальный этимологический словарь как реальность будущего

Идея создания «...Универсального этимологического словаря...», безусловно, и интересная, и интригующая, в конце концов и креативная, а сам факт создания такого словаря — новое явление в жизни не только лингвистической и в целом филологической науки, но и в жизни многих гуманитарных наук (истории, философии, социологии и т.д.). Такой словарь (универсальный этимологический) в тех научных категориях, понятиях и принципах, на которых построил его О.О. Сулейменов, создается впервые. Даже при всех тех вопросах, которые уже родились при чтении книги «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”» работа займет свое достойное место в ряду уникальных научных произведений современности.

Наш дискуссионный взгляд на эту проблему заключается в следующем. Можно ли в реальности создать действительно универсальный этимологический словарь? Ведь разные языки, наречия, диалекты, в которых при общности протомоментов существуют различия, которые, на наш взгляд, не может объяснить любой большой универсальный этимологический словарь. Или название Словаря О.О. Сулейменова (в значении слова *универсальный*) является условным, т.е. с большими потенциальными претензиями на универсальность в этимологическом анализе и описании языковых явлений? Ведь в каждом языке и в настоящее время, и в прошлые эпохи, до нашей эры и в нашу эру были и есть загадки, которые ни один универсальный словарь не в силах объяснить, которые могут стать объ-

яснимыми лишь при анализе слова этого языка как явления монолингвального, присутствующего только в этом языке или только в нескольких родственных языках или, например, только в двух далеко не родственных языках, но продолжительное время (веками) находившихся или же находящихся в состоянии непосредственного контактирования.

Каждый словарь (имеется в виду не этимологический словарь) отражает лексико-семантическую, стилистическую и т.д. номенклатуру своей эпохи. Словарь никогда не успевае за живым языком, потому что язык находится в постоянном развитии, в динамике, а словарь (как книга) находится в состоянии статики. Например, Арабско-персидский, затем Арабско-персидско-тюркский, затем Арабско-персидско-тюркско-монгольский словарь Махмуда Замахшари (конец XI — начало XII вв.) отражает лексическое состояние языков той эпохи [14]. За то время, которое прошло с тех пор (около 1000 лет), эти языки получили мощное развитие как в лексике, так и в других уровнях языковой иерархии, а следовательно, в каждом из этих языков появилось много этимологических загадок, которых в то время не было, но которые «сформировались» за последние 1000 лет развития этих языков. А если еще учесть, что эти языки за это время развились и дифференцировались в десятки и в большее количество самостоятельных языков, например, тюркские языки (турецкий, узбекский, казахский, татарский и т.д.), то становится ясной известная истина, что любой словарь, каким бы он ни был великим, отражает прежде всего лексику языка эпохи, когда он создавался, и в той или иной степени историческую лексику, историческую стилистику. И так, словарь (как книга) в этом плане по отношению к динамике языка находится в состоянии статики.

Такая статичность не полностью, но в той или иной степени характерна и для этимологических словарей, так как они создаются с учетом достижений лингвистической (и не только лингвистической) науки прошлых эпох и той эпохи, когда она выходит в свет. Этимологический словарь, как и любой другой словарь, не предполагает, не предвидит какие-то изменения в этимологии того или иного слова, в трансформации интерпретации того или иного письменного знака, который связан с историей происхождения языковой единицы в том или ином языке или в группе языков. Однако очевидно одно: любой этимологический словарь более универсален, чем любой толковый или другой словарь, так как в выявлении этимологии слова присутствует компонент универсальности метода и приема и т.д., с помощью которых можно объяснить этимологию и других, аналогичных слов, явлений в языке, но для всех языков мира или для большинства языков мира даже в ранней стадии их развития (не говоря уже о более поздних стадиях и современном состоянии) создание универсального этимологического словаря весьма проблематично, так как каждый язык, каждая языковая семья уникальны. Свидетельством этому могут быть многие этимологические словари: четырехтомный этимологический словарь русского языка М. Фасмера [15] и др.

Например, этимологический словарь, предназначенный для целей обучения, как и все учебно-научные материалы (учебники, учебные пособия), адаптирован для соответствующего уровня образования. В этом случае этимологический словарь по содержанию не может быть универсальным (хотя универсальность мето-

дов и приемов описания присутствует). Такой словарь (как этимологический, так и другой) является предназначенным для определенного уровня (системы образования), для определенной возрастной группы обучающихся (например, школьный этимологический словарь или этимологический словарь школьника).

Однако О.О. Сулейменов в книге «Код слова...» и до этой работы идет к созданию универсального этимологического словаря, так как он в поисках древнего первоэлемента слова и его выражения звуком и изображения графически (от рисунка до буквы), т.е. он в поисках этимона как понятия, как лексического знака (слова), его графического знака (образного изображения), звукового выражения со времен формирования человека, человеческого общества как создателя и носителя слова, языка, речи. В научной концепции О.О. Сулейменова, в характере его научного поиска древнего первоисточника слова, в понимании кода слова просматриваются контуры универсального этимологического словаря как реальности фиолологической науки в ближайшем будущем.

Истина одна, правд много

Результаты исследования О.О. Сулейменова как в аспекте фонетико-фонологическом, лингвографическом, так и в лексико-семантическом имеют огромное (а в некоторых фрагментах научно-революционное) значение для истории языка и письма, человекопознания, для современного антропоцентрического подхода, лежащего в основе исследования многих наук, имеющих отношение к человеку и к его деятельности.

Мы далеки от возвеличивания как личности О.О. Сулейменова, так и результатов его научных изысканий. Они говорят сами за себя. Мир велик, но порой бывает тесным для явлений действительности в виде научных изысканий, в которых заложена идея многозначности, полиаспектности объяснения факта или фактов, процесса или процессов истории, которые уже «объяснены» с позиции однозначности, моноаспектности. Именно поэтому такие научные (и не только научные) произведения пишутся тяжело и тяжело им достается место под солнцем, но с течением времени все приходит на круги своя. В этом отношении О.О. Сулейменов не одинок.

В книге «Аз и Я» О.О. Сулейменов высказал такую мысль: человеку не нужно объяснять, что такое «четыре». Вы скажите, как вы пришли к результату «четыре»: два умножив на два, или от 100 отняв 96 [6].

В этом высказывании заложена глубокая философская, научная (а не только арифметическая) мысль. Суть ее заключается в том, что решение научной проблемы не может быть только мононаправленным. Существуют разные пути. Исследователь вправе идти своим путем к научной истине — путем, который до него не был открыт или же был открыт, но он вносит в этот путь совершенно новые (или иные) методы, способы движения по нему, потому что наука — одна из самых демократичных социальных сфер деятельности человека и общества.

Итак, истина одна, но пути достижения истины могут быть разными (правды много). Каждый новый путь (путь правды), по которому приходят к научной истине, является научной новизной, а порой и научным открытием.

Каждый новый путь достижения одной и той же истины обогащает, все больше и больше удостоверяет истинность истины.

Тот путь, по которому шел, идет и будет еще идти О.О. Сулейменов к научной истине, является плодотворным, благородным, правдосозерцательным. Результаты движения по такому пути — это благосодержательные книги «благонамеренного читателя и исследователя». Великий химик Дмитрий Менделеев сказал: «Отыскать же единое, неизменное и общее в изменяемом и частном составляет основную задачу познания». Процесс познания истории письма и языка О.О. Сулейменовым зиждется именно на изыскании единого, неизменного и общего в частностях, которые в пространстве времени были подвергнуты серьезным эволюционным изменениям, т.е. он, находя частное, изыскивает в нем общее, единое, неизменяемое, находя общее, единое, неизменяемое, изыскивает в них частное, так как именно частное является основой отыскания особенностей интерпретации, т.е. переосмысления человеком в разные моменты истории общего, единого, неизменяемого. Таким образом, в основе этой и всех других общефилологических, лингвистических (особенно лингвографических и семиотических), исторических, социологических, культурологических, философских исследований О.О. Сулейменова лежат два основных понятия: одинаковое в разном, разное в одинаковом.

Профессионал из любителей

Для работ О.О. Сулейменова характерны такие выражения, как «эпизод предыстории», «тюрки доистории» и т.п., в которых подчеркивается древность, первобытность истории человечества, его определенной части, языка, письма и т.д. Древность занимает большое место в его лингвопоэтическом и научном творчестве, а собственно филологические (в большей степени общезыковедческие) изыскания охватывают период развития человечества, который его словами следует называть «предысторией» или «доисторией». «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”» посвящено именно этому периоду развития человеческого общества, его языков, его письменностей. Все укладывается в «до»- и «пред»- (перед). Именно поэтому его лингвографические исследования рассказывают о малоизвестных явлениях, фактах, периодах в истории человечества. Они затемнены плотными, густыми, непроходимыми скопищами тысячелетий, как первозданные дремучие леса, просвет внутри которых не каждый может увидеть, найти.

О.О. Сулейменов их видит, их находит не только в своем вулканическом воображении, но и отчасти в своем реальном творчестве. Он их анализирует. Он их описывает. Как? Это большой вопрос. Поэтому лингвографическому творчеству О.О. Сулейменова следует дать следующее определение: лингвографические изыскания О.О. Сулейменова, в том числе и «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”» — это дофилологическая филология, доязыковедческое языковедение, воображаемые и реальные, которые по крупницам будут входить в трудно- и долгооткрывающиеся для них двери традиционного языкознания, традиционной филологии, т.е. воображаемая филология (по

В.П. Григорьеву) в той или иной степени в своих историко-реалистических основах станет частью традиционной науки о языке и письме.

В лингвистической науке в частности и для филологии в целом существует понятие — «народная этимология». Это выражение используется, когда кто-то объясняет происхождение (этимологию) какого-то слова без каких-либо серьезных научных аргументаций, как правило, основываясь на созвучии слов. Например: объяснение этимологии слова *қазақ* (*казах*) от двух слов — *қаз* (*гусь*), *ақ* (*белый*), т.е. *белый гусь*, который находится в состоянии постоянного перекочевывания из одного места в другое. Это «чистый образец» народной этимологии, особенно когда такое объяснение происхождения слова *қазақ* сравниваешь с другими глубоко научно обоснованными вариантами этимологии этого слова.

Парадоксально, но факт, что за О.О. Сулейменовым не закрепилось определение в виде выражения «профессионал народной этимологии» (а если бы закрепилось, то автор настоящей работы не поддержал бы такое «определение»).

Еще со времен идеологического и филологического мононаправленного бурного обсуждения «Аз и Я» за О.О. Сулейменовым закрепилось определение «любителю», хотя всем известно, что определенная часть профессионалов, занимавшихся тогда и занимающихся в настоящее время проблемами лингвистической и литературоведческой «старинности», были «побиты» его четкими и жесткими доводами, иллюстрациями по поводу присутствия тюркизмов в «Слове о полку Игореве». Это впоследствии на последней (или предпоследней) сессии Верховного совета СССР публично было отмечено Д.С. Лихачёвым, который признал эти факты и признал право существования в науке такой научной позиции в отношении «Слова о полку Игореве» (и других письменных памятников), которой придерживается О.О. Сулейменов.

Итак, почему тогда О.О. Сулейменов — «любитель»? Ваш покорный слуга не сторонник такого определения филологического научного творчества О.О. Сулейменова и самого О.О. Сулейменова. Да, безусловно, нередко и даже часто у него не хватает научно обоснованных доказательств (особенно в чередованиях фонем в составе слова), на материале которых О.О. Сулейменов приходит к слову, существующему в том или ином языке и делает умозаключение о родственности или древности конкретного языка или семьи языков в целом и отдельного слова в частности. Это не является любительством, это профессионализм с признаками «любительства». Все профессионалы выходят из любителей, из тех, кто чем-то занимается (в искусстве, в спорте, в науке и т.д.) Никто сразу не становится профессионалом. О.О. Сулейменов — профессионал без фундаментального базового филологического образования (т.е. «бездипломный»), отсутствие которого он компенсирует мощной филологической интуицией. Именно поэтому в его лингвографических и в целом филологических исследованиях выпукло просматриваются две стороны одной медали: 1) вулканическое филологическое дарование; 2) нестандартность, нестереотипность научного поиска.

У О.О. Сулейменова первое доминирует над вторым, а второе над первым.

Не у всех ученых эти две стороны в одинаковой степени высоко представлены (даже у самых одаренных). Конечно же, каждый настоящий ученый — это даро-

вание и плюс работа, работа, работа. Но мы нередко являемся свидетелями, когда у ученого есть мощное фундаментальное филологическое образование, но природное дарование не на таком уровне, поэтому он всегда в стандартных стереотипах. Он видит «любителя» в человеке, у которого глубинно и высоко проявляется нестандартность, нестереотипность в научном поиске.

Приведем примеры из современной жизни, когда любители, придя к профессионалам, их полностью покорили, победили и закрепились в их обществе надолго, а может быть, и навсегда. Так, в бывшем социалистическом лагере (прежде всего в бывшем СССР) не было профессионального бокса. Все боксеры социалистического лагеря, какие бы они ни были великие, считались любителями. После распада социалистического лагеря, распада СССР и плавного формирования СНГ боксеры-любители получили возможность участвовать в профессиональных боях. И что же произошло? Произошло самое неожиданное: буквально за три-четыре года появились чемпионы мира по различным профессиональным боксерским версиям (как очень престижным, так и менее престижным) из числа бывших любителей. Они стали побеждать всех и везде, даже в таких престижных весовых категориях, как полутяжелый вес, тяжелый вес, супертяжелый вес.

Все, кто интересуется боксом, а не только знатоки бокса во всем мире их узнают по стилистике ведения боя: эти профессионалы пришли из любительской школы — советской (русской, казахской, узбекской, украинской и т.д.). Чуть ли не все из них — выходцы из стран современного СНГ (бывших республик СССР). Восхваленные многими десятилетиями профессиональные боксерские школы США оказались вначале в недоумении, воспринимали эти победы как случайные, а потом смирились. Теперь нередко приезжают учиться профессионализму у бывших и настоящих любительских боксерских школ СНГ, Германии и Кубы. Стереотипы о недостижимости уровня профессиональных боксеров любителями, об их непобедимости лопнули, как мыльные пузыри: по очкам, в нокаутах, в нокаутах.

Да, будем уважать любителей вообще и профессионала из «любителей» О.О. Сулейменова.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стереотипы обязательны в каждой отрасли жизни человека и человечества. Тем более — научные стереотипы в научной жизни общества. Но эти стереотипы должны совершенствоваться, интерпретироваться, а некоторые из них должны полностью заменяться, потому что жизнь общества — это движение вперед.

Научные стереотипы не каждый может интерпретировать, разрушать, заменять. Это удел единиц. Таким единичным человеком (как снайпер — «штучный» человек в батальоне) является О.О. Сулейменов.

Иванов В.В. в работе «Из рассказа Э. По “Золотой жук”» от имени Э. По пишет, что «... едва ли разуму человека дано загадать такую загадку, которую разум другого его собрата, направленный должным образом, не смог бы раскрыть» [3. С. 188]. Это согласуется с мыслью О.О. Сулейменова о том, что «нет в науке проблем неразрешимых, но есть неразрешенные». Стремление решить неразрешен-

ное, отгадать загадки, загаданные нашими древними предками, — основы научного поиска О.О. Сулейменова, т.е. выявление, описание древнего первоисточника слова, а следовательно, письма, языка, речи.

Книга «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”» «не боится» известными филологическими, лингвокультурными, лингвисторикофилософскими стереотипами, поэтому его содержание порождает дискуссии, согласие и несогласие, восхищение и возмущение, а следовательно, научное общество начинает делиться на три группы — сторонники, несторонники, нейтралитетные.

Содержание этой книги О.О. Сулейменова продолжает развивать его оригинальную научную концепцию, разработанную в его предыдущих исследованиях, которая предполагает решение проблем этимологии посредством письменного слова (прежде всего) и звукового слова в тесной взаимосвязи понятия, слова, значения, графического изображения, произношения на высоком уровне философского осмысления, обобщения в границах всей истории человечества и фокусных проблем гносеологии.

© Джусупов М., 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сулейменов О.О.* Введение в Универсальный этимологический словарь «1001 слово». Рукопись. Париж, 2013.
2. *Джусупов М.* Письмо — язык в графике (казахская письменность во временном и географическом пространстве) // Теория языка. Семиотика. Семантика. М.: РУДН, 2011. № 4. С. 22—31.
3. *Иванов В.В.* От буквы и слога к иероглифу. Системы письма в пространстве и времени. 2-е изд. М.: Яск: Языки славянской культуры, 2016.
4. *Истрин В.А.* Возникновение и развитие письма. М.: Наука, 1965.
5. *Бурлак С.А.* Происхождение письма: факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель, 2011.
6. *Сулейменов О.О.* Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алматы: Жазушы, 1975.
7. *Сулейменов О.О.* Язык письма. Взгляд в доисторию — о происхождении письменности и языка малого человечества. Алматы; Рим, 1998.
8. *Соссюр де Ф.* Труды по языкознанию / пер. с франц. М., 1977.
9. *Дьяконов И.М.* Письмо // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. 2-е (репринтное) изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.
10. *Байтурсынов А.* Тілтағылымы (Қазақтілі мен оқу-ағартуғақатыстыеңбектер). Алматы: «Анатілі», 1992. 448 с.
11. *Джусупов М.* Казахская графика: вчера, сегодня, завтра (кириллица или латиница). М.: РУДН, 2013.
12. *Джусупов М.* Фонемография А. Байтурсынова и фонология сингармонизма. Ташкент: Узбекистан, 1995.
13. *Сулейменов О.О.* «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово”». Алматы: Библиотека Олжаса, 2014.
14. *Zamakhshari M.* The Muqaddimat al-Arab A Facsimile Reproduction of the Quadrilingual Manuscript (Arabic, Persian, Chagatay and Mongol). The Alisher Navoi State Museum of Literature (Academy of Sciences, Republic of Uzbekistan) and The Japan Society for the Promotion of Science. Tōkyō, 2008.
15. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. 4-е изд., стер. / пер. с нем. и доп. акад. О.Н. Трубачева. М.: Астрель; Аст, 2007.

История статьи:

Поступила в редакцию: 13.03.2018

Принята к публикации: 24.05.2018

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Джусупов М. «Язык письма» или «Письмо — язык в графике» (одинаковое в разном и разное в одинаковом) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 3. С. 422—444. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-422-444

Сведения об авторе:

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, профессор Узбекского государственного университета мировых языков. E-mail: mah.dzhusupov@mail.ru

“LANGUAGE OF WRITING” OR “WRITING AS A LANGUAGE IN A SCRIPT”

M. Dzhusupov

Uzbekistan State University of World Languages
Kichik Halka Yuli str. G-9A, 21-a, Tashkent, 100138, Republic of Uzbekistan

Analysis and description of some aspects of the content of O.O. Suleimenov’s book “The Code of a Word. Introduction into Universal Etymological Dictionary ‘1001 words’” is carried out in the article-review, which is characterized by innovative approach to the problem of investigation of origin of a word, notion, sign, and pronunciation since the beginning of ancient time. Notion of writing and verbal word with different graphics image and different pronunciation is based on the scientific conception of O.O. Suleimenov, regardless of geographical, national, cultural and language differences. An ancient origin of a word (etymon) is considered as synthesis of four above-listed aspects of origin of a word, which forms common psychological image in human consciousness. The Author of the book defines the following goals: to reveal and describe the world of the code of a word to identify an etymon. Method of double negation (denial of negation) is used in the paper. It furthers departure from well-known linguistic postulates and creating new investigational methods and forming results in new directed conclusion. For instance, a sign is identified as involuntary phenomenon. It is different from Ferdinand de Saussure’s assertion about voluntariness of a sign, which is regarded as normative notion in modern linguistics. We use the method of triple negation (to deny denial of negation) and draw conclusion that sign is both voluntary and involuntary: different nations have different signs of the sun, therefore a sign is voluntary in this sense. But every sign of the sun (in ancient Egyptians, ancient Chinese, ancient Turkic) have origin of a sign (invariant) — circle, semicircle, square i.e. closedness, therefore a sign is involuntary in this sense. O.O. Suleimenov investigates language to reveal etymon deeply and widely

than in traditional, philological approaches. It is common of philological, linguistic, historical, philosophic, gnosiological approaches and appropriate scientific generalization using method of denial of negation and five rules, which were developed and introduced by O.O. Sulejmenov into the system of scientific research.

Key words: notion, word, code, graphical image, voluntariness and involuntariness of a sign, pronunciation, an ancient origin of a word (etymon), language

REFERENCES

1. Sulejmenov, O.O. 2013. Vvedenie v Universal'nyj etimologičeskij slovar' «1001 slovo». Rukopis' [The Code of a Word. Introduction into the Universal Etymological Dictionary “1001 words”. Typescript]. Paris. Script. (in Russ.).
2. Dzhusupov, M. 2011. Pis'mo — jazyk v grafike (kazahskaja pis'mennost' vo vremennom i geograficheskom prostranstve) [Writing as a grapho language (Kazakh Grapho in Time and Space Dimensions)]. *Teorij ajazyka. Semiotika. Semantika* 4: 22–31.
3. Ivanov, V.V. 2016. Ot bukvy i sloga k ieroglyfu. Sistempis'ma v prostranstve I vremeni [From a Letter and Syllable to Hieroglyph]. Moscow: Jask: Jazyki slavjanskoj kul'tury. Print. (in Russ.)
4. Istrin, V.A. 1965. Voznikovenie i razvitie pis'ma [Origin and Development of Writing]. Moscow: Nauka. Print. (in Russ.)
5. Burlak, S.A. 2011. Proishozhdenie pis'ma: fakty, issledovanija, gipotezy [Origin of Writing: Facts, Investigation, Hypothesis]. Moscow: Astrel'. Print. (in Russ.)
6. Sulejmenov, O.O. 1975. AziJa. Kniga blagonamerennogo čitatelja [Az and Ya. The Book of Well-intentioned Reader]. Almaty: Zhazushy. Print. (in Russ.)
7. Sulejmenov, O.O. 1998. Jazyk pis'ma. Vzgljad v doistoriju — o proishozhdenii pis'mennosti i jazyka malogo čelovečestva [Language of a Writing. Sight of Prehistory]. Almaty; Rim, 1998. Print. (in Russ.)
8. Sossjur, de F. 1977. Trudy po jazykoznaniju [Works on Linguistics]. Moscow. Print. (in Russ.)
9. D'jakonov, I.M. 2000. Pis'mo [Writing]. *Bol'shoj enciklopedičeskij slovar'*. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja enciklopedija. Print. (in Russ.)
10. Bajtursynov, A. 1992. Til tagylmy (Qazaq tili men oqu-agartuqaqatystybenbeker) [Language learning (the Kazakh language and Literature)]. Almaty: «Ana tili». Print. (in Kaz.)
11. Dzhusupov, M. 2013. Kazahskaja grafika: včera, segodnja, zavtra (kirillica ili latinica) [The Kazakh Graphics: Yesterday, Today, Tomorrow (the Cyrillic or Latin Alphabet)]. Moscow. Print. (in Russ.)
12. Dzhusupov, M. 1995. Fonemografija A. Bajtursynova i fonologija singlarmonizma [Phonemography of A. Baitursynov and Phonology of Synharmonism]. Tashkent: Uzbekistan. Print. (in Russ.)
13. Sulejmenov, O.O. 2014. «Kod slova. Vvedenie v Universal'nyj etimologičeskij slovar' “1001 slovo”» [The Code of a Word. Introduction into the Universal Etymological Dictionary “1001 words”]. Almaty: Biblioteka Olzhasa. Print. (in Russ.)
14. Zamakhshari, M. 2008. The Muqaddimat al-Arab A Facsimile Reproduction of the Quadrilingual Manuscript (Arabic, Persian, Chagatay and Mongol). The Alisher Navoi State Museum of Literature (Academy of Sciences, Republic of Uzbekistan) and The Japan Society for the Promotion of Science. Tôkyô. Print.
15. Fasmer, M. 2007. *Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Astrel'; Ast. Print.

Article history:

Received: 13.03.2018

Accepted: 24.05.2018

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Dzhusupov, M. 2018. “Language of a Writing” or “Writing as a Language in a Script”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (3), 422—444. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-3-422-444

Bio Notes:

Mahanbet Dzhusupov is a Doctor in Philology, Professor, Proferssor of Uzbekistan State University of World Languages. E-mail: mah.dzhusupov@mail.ru